

УДК 339.5

Ю. М. Кривуц – кандидат економічних наук,
професор Харківського національного університета
імені В. Н. Каразіна

От внутриплеменного дарения до международной торговли

*Робота виконана на кафедрі міжнародних
економічних відносин ХНУ ім. В. Н. Каразіна*

В зависимости от изменений в хозяйственной жизни в первобытном обществе изменялись предпосылки, возможности и результаты форм обмена вплоть до появления торговых отношений между первыми цивилизациями.

Ключевые слова: первобытное общество, формы хозяйствования, обмен, торговые отношения.

Кривуц Ю. М. Від внутрішньоплеменного дарування до міжнародної торгівлі. Залежно від змін у господарському житті в первісному суспільстві змінювалися передумови, можливості й результати форм обміну аж до появи торговельних відносин між першими цивілізаціями.

Ключові слова: первісне суспільство, форми господарювання, обмін, торговельні відносини.

Krivutic Y. N. From Inwardly Tribe Giving to International Trade. Depending on changes in economic life in primitive society pre-conditions, possibilities and results of forms of exchange, changed up to appearance of point-of-sale relations between the first civilizations.

Key words: primitive society, management forms, exchange, point-of-sale relations.

Постановка научной проблемы и её значение. Абсолютное большинство специалистов в области международных экономических отношений рассматривают международную торговлю как исторически приоритетную форму международных экономических отношений. Более того, анатомируют её в следующих аспектах: операционном и государственно-политическом. В первом ракурсе международная торговля – это процесс непосредственного обмена товарами, работами и услугами между хозяйствующими субъектами разных стран, государствами (продуктами государственного сектора национальной экономики) и международными организациями. Во втором – это особый тип общественных отношений, сложившихся в системе мирового хозяйства в процессе товарообменных операций. Последние устраняют саму необходимость самостоятельно производить все и в количествах, достаточных для удовлетворения внутреннего спроса. Благодаря международной торговле каждая страна может специализироваться в тех отраслях и сегментах рынка, где ее производители более конкурентоспособны, чем зарубежные, и ввозит только то, что отсутствует в стране или имеется в недостаточном количестве.

Анализ последних исследований и публикаций из проблемы. Международная торговля как форма международных экономических отношений не могла возникнуть и сложиться сразу и вдруг, упав словно мантия небесная. Она – продукт длительной эволюции общества, его потребностей и возможностей. Именно на это обращено внимание в работах А. С. Филиппенко «Міжнародні економічні відносини: історія» (К. : «Либідь», 2006) и «Экономическая глобализация: истоки и результаты» (М. : «Экономика», 2010) и А. А. Мазараки «Торговля: история, цивилизация, мораль» (К. : «Книга», 2010).

Однако предпосылки, мотивы и – главное – механизм процедур обмена на заре человечества скорее очерчен, чем охарактеризован. Отсюда – **цель** настоящей статьи состоит в раскрытии последовательных действий – от временного использования вещей до их дарения и обмена, – которые в конечном счёте привели к появлению такой формы международных экономических отношений, как международная торговля.

Поставленная задача, её освещение не может не представлять интереса для всех, кто стремится понять, как и почему возникла практика обмена излишками у одних при нехватке у других (и в наши дни мотивы обмена сохраняют значение, являясь предпосылками товарообмена на разных уровнях).

Изложение основной части и обоснование полученных результатов исследований.

Начальный период экономической истории человечества характеризуется присваивающим хозяйством. В нём приоритетное значение имеет собирательство. Со временем возникают и развиваются охота и рыболовство как первейшие формы хозяйствования.

Каждое сообщество ведёт замкнутый образ жизни, удовлетворяя потребности результатами собственного труда. Постепенно складывалось такое распределение собранного, добытого или пойманного, какое учитывало не только особенности пола и возраста, но и личного участия в выполнении трудовых операций. Более сильные и ловкие, опытные и искусные получали больше. Им, как правило, принадлежали лучшие палки-землекопалки, орудия охоты, снасти. Если же кто-то имел более удобные и эффективные, их брали во временное пользование, поскольку всё было коллективное, общее.

Как свидетельствуют наблюдения этнографов, в реликтовых племенах лидеры в определённых ситуациях стремились к постоянному использованию таких «безделиц», прибегая к силе или получая их в дар. Здесь нельзя не согласиться с утверждением А. А. Мазараки: «Дарами обменивались... отдельные люди; это явление получило название дарообмена» [1, 22].

В связи с совершенствованием техники и технологии, организации трудовой деятельности результативность даже простейших форм хозяйствования возрастает.

Материальных благ получали больше, чем требовалось для поддержания жизни. Появился излишек сверх физиологически необходимого. Это привело к возникновению обмена. Он ещё не нарушал автаркического характера хозяйствования. Первоначальные формы обмена лишь дополняли самоудовлетворяющуюся жизнь сообщества, служили общим интересам. В качестве субъектов обмена выступают не отдельные индивиды, а общины. Их представители, как можно судить по этнографическим данным, осуществляли акт обмена. Его доверяли в большинстве случаев мужчине, достаточно приспособленному и к переносу тяжестей, и к противостоянию враждебных проявлений.

Формы обмена зависели от характера взаимоотношений между вступающими в контакт общинами: дружественными или недружественными, враждебными или нет.

Ф. Маккарти так описывает процедуру обмена между дружественными племенами: «Сделаны приготовления для достойного приёма гостей. Мужчины пересматривают свои запасы копий, меховых и волосяных поясов, налобных повязок, копьеметалок, томагавков и жемчужных раковин. Хозяева и гости рассаживаются на землю для установленного обычая обмена дарами. Гости извлекают и кладут перед собой в сторону хозяев то, что они предлагают дать: копьё, копьеметалки, пояса, головные повязки, украшения для волос – все в одну большую кучу, которые местные люди наблюдают с большим интересом. Когда нагромождение кучи даров посетителей окончено, местные люди, в свою очередь, громоздят перед посетителями то, что они предполагают дать взамен. Один мужчина за другим выходит вперёд, чтобы положить на землю копьё или другое оружие, украшение или подарок... Один за другим мужчины берут из кучи, что им вздумается» [2, 177–178].

Обмен между враждебно настроенными племенами происходит в несколько иной форме. Как замечал А. И. Зибер, «только долговременная взаимная борьба могла научить дикарей прибегать для удовлетворения взаимных потребностей к обмену на нейтральной почве, вследствие чего этот последний долговременно сохраняет следы враждебного происхождения» [3, 343].

Даже на нейтральной территории враждующие общины демонстрировали как свои мирные намерения, так и готовность защищать свои интересы и жизни: когда бразильские дикари желают вступить в обмен продуктами, «они одновременно снимают свое оружие и кладут его около себя, но как только торговля окончена, на что указывают известные, часто повторяемые с обеих сторон слова, то они немедленно и в такт снова хватаются за оружие» [3, 342].

Возможно одним из вариантов обмена между дружественными и враждующими племенами является «немой обмен». Его процедуру описал отец истории Геродот. Представители какого-то племени, оставляли свои продукты в условленном месте и удалялись. Потом приходили представители другого племени, осматривали принесенное, оценивали его. Если их всё удовлетворяло, они забирали принесенное «продавцами» и оставляли своё [4, 236].

Такой механизм обмена отмечен этнографами между племенами кубу Калимантана и соседними малайскими племенами, между местными ведда и сингалезами, между семангами и малайцами [5, 85].

Естественно, наблюдались случаи, когда дары не устраивали, «продавцы» и «покупатели» расходились.

Несмотря на различие форм, обмен был «фактом из области внеплеменной жизни, – отмечал М. Вебер и продолжал, – он может возникнуть как следствие межплеменной специализации... древнейший вид обмена всегда остается меновым торгом между чужеплеменниками» [6, 187].

Характеризуя предпосылки обмена, А. М. Румянцев не без оснований (археологических изысканий и этнографических наблюдений многих специалистов из разных стран) констатировал: «Условием любой формы обмена являются не только различия в обмениваемых продуктах, но и отсутствие потребности в обмениваемых продуктах со стороны, предлагающей их, и наличие таковой потребности с другой стороны». И далее: «... продукты, которые обменивала каждая из сторон, должны были быть в данный момент в относительном излишке» [7, 235].

Постепенно налаживается обмен не только продуктами собирательства, охоты и рыболовства, но и сырыми материалами, натуральными красителями и т. п., хотя по-прежнему контакты между племенами оставались эпизодическими. Такие имели место в раннем и среднем палеолите (900–40 тысячелетий тому назад). В частности, ашельцы поддерживали обменные отношения с теми, кто населял Кавказ и Западную Европу.

В верхнем палеолите происходило перемещение продуктов обмена не только между соседями – общиной производителей и общиной потребителей, но и между общинами, непосредственно не соприкасающимися. Эта связь позволяет передавать предмет по цепочке, поэтапно от места производства или сбора до места конечного потребления. Отсюда – чем многообразнее находимые на территории обитания общины неместные предметы, тем шире круг посредников. Вне сомнения, это уже достаточно сложная форма межобщинных связей, свидетельствующая о перерастании спорадических обменных процедур в регулярные.

Различия условий, в которых оказывались общины, объективно приводили их к определённой специализации.

В Австралии, например, сложилось своеобразное разделение труда между общинами. Так, в Квинсленде, в районе жительства племени майтакуда, изготавливались копья с кварцевыми наконечниками; племя вунамурра делало небольшие сети; в местности Рокебург изготавливались щиты и т. д. Специализация повышала качество изготавливаемых предметов, что, естественно, стимулировало обмен между общинами. Морские раковины, добывавшиеся на северо-восточном побережье, в заливе Принцессы Шарлоты, переходя из рук в руки, путём поэтапного обмена доходили до Центральной Австралии и даже до южного ее побережья [8, 405–438].

По сути, аналогичное наблюдалось на территории Индостана. Здесь выделялись три сырьевые зоны: кремня и кремнистого сланца; агата, халцедона и яшмы; сланца и кварцита. «Мезолитические поселения, удаленные от основных источников сырья, получали его путем опосредованного обмена из различных мастерских..., поэтому в некоторых контактных зонах существовали орудия, изготовленные из материалов всех перечисленных выше зон» [8, 125].

Увеличение объёмов обмена оказалось возможным лишь при условии получения излишков или сверх физиологически необходимого. Эта непростая задача была решена в рамках нового каменного века – неолита (VIII–IV тыс. до н. э.).

В отдалённые от нас времена неоднородность хозяйственной эволюции проявлялась в сосуществовании племён, занимавшихся собирательством, охотой и рыболовством, изготавливавших и применявших грубые орудия труда, и племён, перешедших от присваивающего к производящему хозяйству, где основными отраслями стали земледелие, скотоводство и ремесло как следствия первого и второго крупного разделения труда. Все эти перемены принято называть «неолитической революцией».

Земледельцы получали от скотоводов мясо, молочные продукты, кожу, шерсть и, в частности, живой скот. Пастушеские племена нуждались в злаковых и иных культурах. И те, и другие интересовались дарами леса, моря и, конечно, продуктами гончаров, ткачей, специалистов по металлу.

Рост количества сельскохозяйственных и ремесленных продуктов, расширение их ассортимента способствовало интенсификации обменных операций. Последние становились все более регулярными и осуществлялись на основе взаимности. Вне сомнения, наблюдались отступления: один из партнеров стремился получить выгоду за счёт другого. Постепенно усиливалось стремление дать больше, чем получить взамен, и тем самым втянуть берущего в определённую зависимость.

В результате крупного разделения труда и развития новых форм хозяйствования появились новые формы обмена. Внутри отдельных общин условия обмена, вероятно, определялись обычаями, которые оказывались неэффективными, когда партнёров разделяли значительные расстояния. Меновые операции могли осуществлять не только сами производители, но и посредники – странствующие охотники, скотоводы-кочевники и т. д.

Уже в конце VI тыс. до н. э. обширный район Ближнего Востока был втянут в регулярный межобщинный обмен, без которого общины уже не смогли бы и прожить. Одна часть этого района была преимущественно источником горнорудного сырья, другая, в особенности Нижняя Месопотамия, – источником земледельческо-скотоводческих продуктов. Так, кремень имелся в Сирийской пустыне, обсидиан – не ближе Северной Месопотамии, главным же источником его добычи были вулканические горы Армянского Нагорья, асфальт (битум) добывался на среднем Евфрате (около совр. Хита), на среднем Тигре (около совр. Мосула) и между реками Малый Заб и Адем (около совр. Киркука). Камень и худшие сорта леса можно было добыть в горах Загроса, а известняки – и в пустыне. Медь, вероятно, поступала с полуострова Оман в Аравии (из древнего Магана?) или из Малой Азии. Не позже V–IV тыс. до н. э. в Нижнюю Месопотамию попадают и предметы роскоши: серебро – из Малой Азии, золото – из Индостана, отсюда же прибывал красный камень – сердолик, а из Афганистана – синий камень (лазурит). Обменный фонд состоял из продуктов земледелия, главным образом из зерна (земля Двуречья давала совершенно небывалые по тем временам урожаи). Хлеб был нужен перечисленным выше местностям, богатым камнем и рудой; Двуречье давало и ткани.

При этом общины, продолжавшие вести присваивающее хозяйство, охотно вступали в обменные операции с хозяйствами воспроизводящего характера. Тем самым круг меновых отношений расширялся. Все чаще эквивалентность обмена нарушалась: «... в одном случае большая сумка с питчери (вид наркотика) обменивалась на один бумеранг, в другом – на щит и шесть бумерангов» [9, 118].

Пример явно не единичен. Он свидетельствует не только о нарушении принципа эквивалентности обмена, но и об обмене не двух, а нескольких продуктов одновременно. Наиболее зримо это проявлялось при поэтапном обмене.

Пусть имеется три продукта P_A , P_B , P_C . Построим матрицу, отражающую обмены, обозначив через x разрешенные и через O – запрещённые операции (табл. 1).

Таблица 1

Матрица обмена натуральными продуктами

Продукты	P_A	P_B	P_C
P_A	x	x	x
P_B	x	x	x
P_C	x	x	x

Каждый продукт может обмениваться на самого себя, если он чем-нибудь отличается (массой, цветом и т. д.), и вдобавок на любой другой продукт:

P_A на P_B или P_C ;

P_B на P_A или P_C ;

P_C на P_A или P_B

и т. д. Такая матрица характеризует обмен «продукт на продукт». Отсюда: если P_A нужен P_C , но P_C нужен только P_B , то возникает необходимость в многоходовой процедуре, предполагающей и неоправданные потери времени и сил. Упрощение было найдено в использовании таких продуктов, какие были нужны или интересны абсолютному большинству, проживающему на данной территории (раковины каури, бруски соли, шкурки пушных зверьков, скот и т. д.).

Примем за эквивалент различных продуктов P_A . Тогда матрица приобретет иной вид (табл. 2).

Таблиця 2

Матриця обмену с использованием продукта – эквивалента других продуктов

Продукты	P_A	P_B	P_C
P_A	x	X	x
P_B	x	X	O
P_C	x	O	X

Продукты P_B и P_C как обычные продукты не могут обмениваться друг на друга, но продукт P_A может обмениваться как на самого себя, так и на продукты P_B и P_C . Более того, каждый из продуктов P_B и P_C может быть обменян на P_A и вдобавок – на продукт, аналогичный себе [10, 79–80].

Все это приводило к необходимости конструирования и применения эквивалента всех продуктов – денег. А «пока ... за один предмет предлагается в качестве эквивалента хаотическая масса вещей, ... даже непосредственный обмен продуктов еще не зашел дальше своего преддверия», – отмечал К. Маркс в первом томе «Капитала».

Проблема разрешилась с появлением древних цивилизаций. Именно тогда активизировались торговые связи, прогрессировали их организационные формы. Торговля стала носителем не только материальных благ, но и знаний, достижений духовной культуры, средством мирного решения военных конфликтов.

Не были забыты собирательство, охота и рыболовство, хотя их роль и значение снизились. Продолжает использоваться институт дарения.

«В Древнем Востоке державы, если не находились между собой в состоянии войны, поддерживали друг с другом добрые отношения путем дарения подарков. Особенно явно тель-эль-амарнские таблицы из эпохи после 1400 г. до Р. Хр. указывают на оживленный обмен подарками между фараонами и властителями Передней Азии. Объектом правильного обмена служили золото и боевые колесницы, с одной стороны, а с другой – лошади и рабы» [6, 189].

И в наши дни дарение и обмен не забыты, торговые отношения переступили границы государств и стали одной из форм международных экономических отношений.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Внутриплеменное дарение дало толчок межплеменному. Сконструированные правила взаимного одаривания легли в основу обмена продуктами производственной специализации племен. Первоначально хаотичные обменные операции приобретают устойчивый характер, становятся многоэтапными, а с появлением уже первых цивилизаций трансформируются в стабильно торговые. Торговые отношения становятся неотъемлемой составляющей межгосударственных экономических отношений.

Список использованной литературы

1. Мазараки А. А. Торговля: история, цивилизация, мораль / Мазараки А. А. – Киев : «Книга», 2010.
2. McCarthy F. D. «Trade» in Aboriginal Australia and «Trade» Relationships with Torres Strait, New Guinea and Malaya (Continued) / F. D. McCarthy // Oceania. – 1939. – Vol. 10, No. 4.
3. Зибер Н. И. Очерки первобытной экономической культуры / Зибер Н. И. – М. : Соцэкгиз, 1937.
4. Геродот. История в девяти книгах / Геродот. – Л. : [б. и.], 1972.
5. Кунов Г. Всеобщая история хозяйства: обзор хозяйственного развития от примитивного собирающего хозяйства до развитого капитализма. Т. 1 / Кунов Г. – М. ; Л. : [б. и.], 1929.
6. Вебер М. История хозяйства. Город / Вебер М. – М. : «КАНОН-пресс», 2001.
7. Румянцев А. М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. Присваивающее хозяйство (политико-экономические очерки) / Румянцев А. М. – М. : «Наука», 1981.
8. Щетенко А. Д. Мезолит Индостана / Щетенко А. Д. – М. : [б. и.] 1977.
9. Бутилов Н. А. Разделение труда в первобытном обществе / Бутилов Н. А. // Проблемы истории первобытного общества. – М. ; Л. : [б. и.], 1960.
10. Харрис Л. Денежная теория : пер. с англ / Харрис Л. – М. : Прогресс, 1999.

Статья сдана в редколлегию
30.05.2011 г.